

К 556
4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.

№ 15 (125)

Цена №-ра 10 коп.

МОСКВА, АПРЕЛЬ 1925 г.

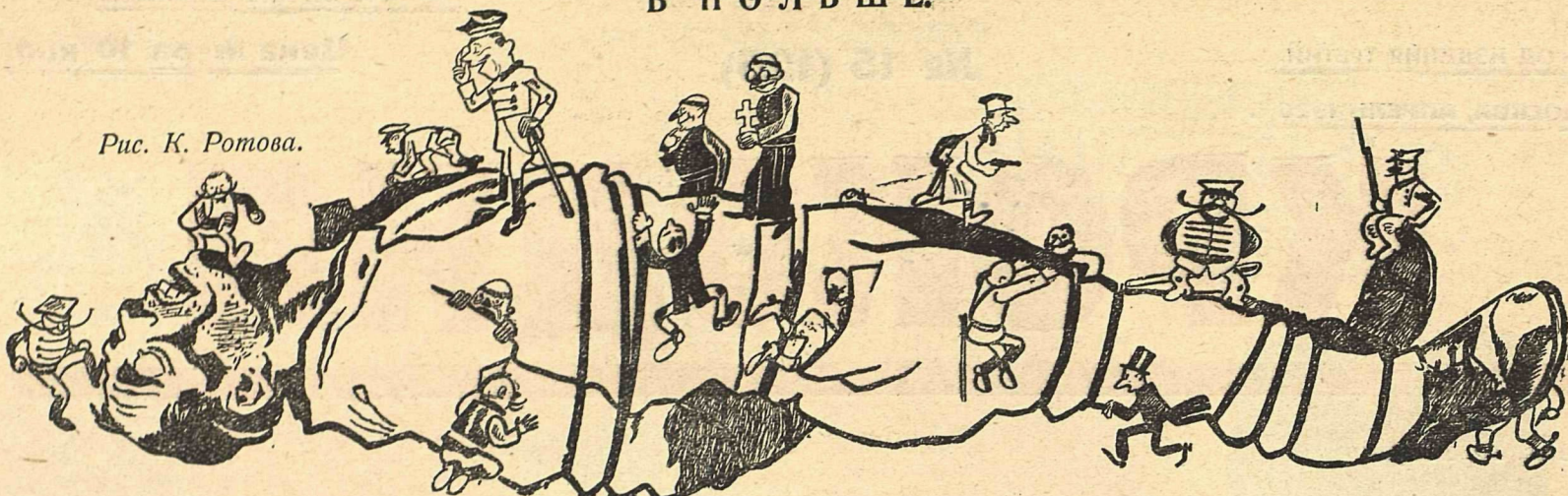
КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа.

ПОЛЬША:— Какая у этого рабочего кровь красная. Подкрашу губы... Чемберлену понравлюсь... За красоту прибавит.

Рис. К. Ротова.

Мурашки по телу.

МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД.

(Социал-демонстрато-пасхальный рассказ).

Была весна. Пели птички. Таяли барматовские денежки.

Германский социал-демократ, геноссе Иуда Зильбергрош, готовился дома к торжественному празднованию пасхи.

— Праздников праздничек...—умиленно бормотал он, украшая окорок желтой бумажной бахромой.—Воскресеньице господенькое!.. Христосеньки воскресеньки... Господь-то что значит, а?.. Вот, недавно польские предержавшие власти двух большевиков кокнули: небось, не воскреснут! Или, скажем, те рабочие, которых наша предержавная власть на митинге застрелила: небось, не воскреснут!.. Не такая нынче, слава богу, убивательная техника, чтоб воскресать! Ша-алишь, не воскреснешь!.. И незачем, главное. Ухлопали тебя,—ну, и лежи. Сказано: рабы, повинуйтесь господам... Не нами заведено, не нами и кончится... Марта, а Марта!!

— Ну!—отозвалась прислуга.

— Пошевеливайтесь живее с уборкой! Деньги получать любите, а комнаты к светлому праздничку прибрать—так еле руками двигаете? Другая бы из одного благочестия в нитку бы вытянулась!..

Прислуга сказала:

— Уж и то надрываюсь. Но только удивительно мне, по правде сказать... Конечно, не мое это дело, но помнится, что в прошлом году не были вы такие благочестивые, герр Зильбергрош! Опять же,—социал-демократы вы... Чудно!

— Что чудно?—удивился геноссе Иуда.

— Да насчет благочестия. Сидите и бормочете всякие набожные слова, словно бы поп какой, а не социал-демократ. Нешто социалистам это к лицу?..

Геноссе Зильбергрош снисходительно усмехнулся, пожал плечами, вздохнул по поводу несознательности масс и ответил:

— Странно вы рассуждаете, Марта! Что-ж такого, что социалисты? Конечно, они разные бывают, со всякими там уклонами, но ведь мы-то, прежде всего,—марксисты!

— Вот то-то же и оно-то. Хоть какне-нибудь завалющенькие, а все-таки же...

— Чего все-таки-то?

— Да насчет опиума, например...

— Какого опиума?

— Да у Маркса же сказано: „религия—опиум для народа“

Иуда Зильбергрош вытарашил глаза: — В уме ли вы, Марта? Где же это у него сказано? Как же бы мог герр Маркс, католик, верующий человек, сказать такие слова?!

— Это Карл-то Маркс—католик и верующий?..—удивилась прислуга.

Геноссе Зильбергрош досадило дернул головой, еще раз вздохнул по поводу низовой несознательности и сказал:

— Ах, каких там еще Карлов вы выдумали!.. Мы, социал-демократы, голосуем за его превосходительство, бывшего горейхсканцлера, вождя партии центра, господина Маркса. Гох!.. Торопитесь с уборкой.

Грамен.

КРОКОДИЛ СВОИМ ИЗБИРАТЕЛЯМ.

Ганганские пожарные избрали „Крокодила“ почетным членом № оссовета.

Если спросить вас:—просто ли это,—
Быть почетным членом Моссовета?
— Конечно, просто!—ответите вы:
Не мало выбрали от Москвы
Депутатов деловых, настоящих,
Не почетных, сато рабочих.
Хватит их для всяких работ.
А почетному что?—Один почет.
Знай соси себе чай в накладку,
Ле в трамвай через переднюю площадку,
В баню ходи, пока не лень,
Тем наводи на белый день.
Слушай по радио разное пение,
Ни тебе штрафа, ни тебе пени.
Словом, почетным не живи, а рай,
Живи в почете—не умирай.
А если умрешь—опять почет,—
Похоронят тебя на казенный счет.

Те, кто так думают, ошибаются шибко,
Вот в чем большая тут ошибка:
Конечно, почетному место и честь,
Но и работ у почетных не счесть.
Сколько бы ты было у него почта—
Не освободится он от отчета
И, будучи сам в большой чести,
Твердую линию должен вести.
Чтоб уничтожить размыслиство,
Чтобы наладить нужное хозяйство,—
Во-время должен он намекнуть,
Уснуть, научить, прижать, подстелить
И совсту отдать свой ум и старанье.
Звание почетного—трудное званье.
Вот почему я, „Крокодил“,
Долго думал, судил и решил,
Трубку свою нависая раз пять,
Прежде чем званье это принять...
Честь принимаю—и думаю скромно я:
Дело советское, дело огромное,
Буду упорно вести до конца,
Не замараю ни лап, ни лица.
Таганцы-пожарники: Спасибо, товарищи!
Знайте, что я, как и вы на пожарнице,
Вилы сломаю и жизнь положу,—
А уж советской Москве послужу:
По поручению „Крокодила“

Василий Кумач.

ИСТОРИЯ О СЛОВОИСПУСКАНИИ.

Введение.

В один прекрасный для себя день, некий скромный учпрофсоюз некой же скромной станции Западных дорог был встречен таким странным случаем. Деловитый и бодрый президиум УЧКА, собравшись с приличным оюзданием в секретарском кабинете, занялся крайне экстренным и таинственным делом, особой, как видимо, важности.

Прошел час и два, и уже хрипло кукунула трижды деревянная птица на канце-ярских облещих часах, возвешая свободу и боря сотрудникам, а таинственный „пленум“ все заседал и заседал, возбуждая острое любопытство служащих и суровое недонольство дида, курьера Зосима, серито топтавшегося у зветных дверей.

За дверями же слышался говор и как будто бы плач и стенание, а ното-председатель, гулкий „беривтон“ дважды кряду прошелся по чьим-то родителям, так что даже Зосима не выдержал.

— Ось, ег, як разбирае... Ну, чистый атаман!..

Потом была жуткая тишина, и кто-то из членов с рыданием сказал:

— Ои, лишечки мене, люди добрие! Ой, больше не надобно!..

Но затем секретарский пронзительный тенор произнес:

— А ну-ж у послидний раз... Держись, братики!

И всред за сим громко и ясно прочел:

— „Царкулярно“!..

Содержание.

— „Всеи.“—С надрывом читал секретарь,—„Учпрофсоюзам Западных жездорог. Статистический отдел Управления дороги“. № 9215. Раздел 6“.

— Дальше, дальше фалаи!—простонал чей-то голос,—не крутысь у началу..

Инструкция по заполнению карточки № 2 по учету зарплат.

„Теоретически наиболее правильным, а практически существенно и совершенно необходимым, следует признать учет зарплат относительно времени, причем чем меньше интервал времени за кой учитывается соотвественная заплата, тем лучше и вернее получается динамический процесс, а отсюда, к тому-же, тем вернее подойти к вопросу об изучении и анализе рентабельности расходов на зарплату. Принимаемая во внимание все вышеизложенное, при заполнении впрядь этого параграфа, места должны выявлять посольку возможно больше энегии и максимум внимания, чем это наблюдаемо на местах до сих пор...“

В наступившей зловещей тишине кто-то жутко прохрипел:

— Дальше...

— Все... с усилием выдохнул секретарь и, заплакавши, сел мимо стула.

А у тихих дверей всхлипнул старый Зосима и, крестясь, приговаривал:

— Ось вона, служба-то... Чого не натерпишьси, ох-хо-ох!..

И пришла в Московскую редакцию слезиница учпрофсоюзская. И в ней говорилось:

— Помогите нам, люди столынные, научите „чиновников“ наших по-русски писать. Мы и сами-то с этой инструкцией позапутались, ну как же ее по местюмам и цехам послать?..

Но чем тут можешь?

Беспомощен и слаб человек в борьбе с разгулявшейся чиновничьей стихией!

Леонид Саянский.

ЖЕРТВА ПЕРЕГРУЗКИ.

(ИЗ ДНЕВНИКА.)

«Один партийный товарищ занимает 4 должности: член райпаркома, рика, бригадир замЖЕНОТДЕЛА, председбуда, детбюро и т. д.

Из „Правды“.

... Вызвали сегодня в райком.
— Товарищ Лушин, в сельячейке работа не развернута. Разверните.
— Хорошо.
— Потом у них там с кооперацией не ладится. Возьмите на себя заведывание кооперативом в селе.
— Что-ж, можно.
— Шкраб... вот тоже у них заболел. Придется вам заняться и школой. Кстати, вы, кажется, когда маленьким ребенком были? Ну, вот, значит, психологию детей знаете. Назначаем вас заведывающим яслями.
— Да, но я...
— Извините, дорогой товарищ, некогда! Мандаты вам выишет Коягин... Пока!
В тот же день я вступил в четыре должности.

Вчера опять в райком вызвали.
— Товарищ Лушин, в грамчеса сельском деле не поставлено. Поставьте. Назначены председателем. Кстати, некому в селе по Доброжию и Мопру работать. Займите и эти два поста.
— Спасибо, но... я уже...
— Не надо благодарностей! Мы ценим вас и сами рады... вообще... Ах, да! В драмкружке нет режиссера. Назначаем вас.
— Позвольте, но я никогда...
— Пустяки! Прекрасным режиссером будете! У вас в лице даже много общего с Мейерхольдом: нос у обоих посредине, глаза по бокам... Не зарывайте же таланта в землю... Кстати, о земле. Мы вас в земельную комиссию назначили... Не стоит благодарности!
Сегодня же я вступил в исполнение еще пяти обязанностей.

Вызвали в райком.
— Тов. Лушин, здравствуйте! Что это вы так плохо выглядите? Мало, видно, на воздухе бываете и физкультурой не занимаетесь. Но это поправимо. Мы вас назначили председателем отделения Воздухофлота и руководителем физкультуры... Кстати, вы ведь—металлист?
— Да.
— В таком случае возьмите на себя чтение лекции по агрономии. Что? Ничего общего? Да, конечно, но больше некому. Ах, да, чуть не забыл! Мы вас еще заведующей Женотделом выбрали.
— Заведующей? Позвольте, но ведь я никогда не был женщиной и, судячи мужчиной, не...
— Это предрассудок. Важен подход к работе, а не пол. Ну, пока! Коягин, выиши товарищу Лушину дюжину мандатов!—
Через полчаса я вышел, убитый мандатами.

Вчера получил двадцатую должность: играть комических старух в клубных спектаклях. Сегодня получил двадцать первую... Не помню—какую. Кажется, акушерки.
Сплю три часа в сутки. В голове—каша.
Вчера в яслях стал читать трудным младенцам доклад о международном положении, а в сельсовете председателю сунул в рот соску...

Еще три должности дали. Сплю полтора часа в сутки. Каша в голове гуще.
Третьего дня трестовского инженера стал по букварю грамоте учить, а встречной короле предложил прочесть доклад об электрификации.
Оба, кажется, обиделись.
У крестьянина Егорова пала лошадь. Не назначат ли меня лошадьё? Кстати, освободился и пост каланчи в деревне.
Верно, меня каланчей назначат. Больше некому.

Мартбря 347. Сняли меня со всех должностей и отправляют в санаторию. За что? Я ли не старался?
Вчера в яслях сделал доклад об электрификации комических старух. В кооперативе велел продавать младенцев ниже рыночной стоимости. А в Женотделе приказал бороться с абортными Доброхимом.
Просил, кстати, назначить меня дойной коровой и чернильницей.
— Ха! Ха! Ха! А знаете-ли вы, что у алжирского бея под самым носом—шишка?!

Д. Доль.

ЛИЦОМ К КОМИССИЯМ.

„При Оршанском канткме РКП создано около 20 комиссий для работы в деревне. Но работы до сих пор нет и поворота к деревне не видно“
Из „Правды“.

Весть пришла в кантком Оршанский,
Что в деревне тьма царит:
Верит твердо люд крестьянский,
Будто землю держит... кит...
Тьма подобная—не вред ли?
Чтоб вести борьбу на-ять
Порешил кантком, немедля
Две комиссии создать.

Вскоре весть пришла другая:
На деревне к лаки,
Бедняков давя, ругая,
Свирепеют, как быки.
В этом разе не беда ли?
Был в канткме шум и гам:
Три комиссии создали
На поддержку беднякам.

Третья весть пришла похуже:
Ночью темная толпа
Утопила шкраба в луже,
По велению попа.
Темнота дошла до точки!
Чтоб изжить такой скандал,
Пять комиссий без отсрочки
В тот же день кантком создал.

Вести мчались друг за другом:
— В самогонке—все село!
— Завладел помешик лугом!
— Вбит селькору гвоздь в чело!
Пред канткома, сев за ужин,
Порешил, неувзвим:
— Что же, сразу пару дюжин
Мы комиссий создадим!

Тьма в селе царит издревне.
Как разжать ее кольцо,
Коль повернут зад к деревне,
А к комиссиям—лицо?!

Доль.

Рис. Ив. Малютина.

— Что это там, проше пана, за шум?
— Повстанцев вешают...
— Чего же они, чудачки, орут, точно их режут?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА.

Что же это такое?

Из журнала „Цирк“:

Центральное Управление госцирка приступает к организации трех передвижных цирков, которые можно будет перевозить в одном вагоне.

Такие передвижные цирки мы предполагаем бросать по селам и деревням, открывая их в страдную пору, давая возможность крестьянину, после трудных часов, получить зрелище здорового, бодрого духа („Цирк“ № 3).

Для страдной поры предполагается и особая страдная программа:

В репертуар передвижных цирков мы предполагаем ввести как можно больше слова...

Интересно, что это будут за слова. Уж не такие ли вот, какими выражается редактор журнала „Цирк“. Берем образец его красноречия из № 3: Гипертрофия ощущений, самокопание и псих логический анализ—развращает интеллигенцию и при одит, в конне-концов, к неврастической эгоцентрации и размягченности воли...

В этом же номере журнала напечатана детская анкета, из которой приводим два пелла:

Тото:—Почему ты любишь цирк?—Потому, что там я вижу настоящего мужчину-самца, а не какую-нибудь бабу.

Девочка 10 лет:—Ах, я так боюсь, когда акробаты перескакивают с трапеции на трапецию; мне кажется, что они обязательно убудотся.

Совет: Волите девочку почаще в цирк!

В № 4 „Цирк“ имеется такое обращение: Мы приглашаем всех к самому тесному и непосредственному сотрудничеству с администрацией цирка... Рабочие, крестьяне, солдат, служащий... выражайте свое отношение к цирку, не смущайтесь критикой... Неудурно сказано: „солдат“. На восьмом-го году революции! Чего-ж тут критиковать? Тут мела нужна.

Рис. Ив. Малютина.

— Почему на меже
вой?
— Не приехал
межевой.

РАССКАЗ О „СТАРЫХ ТРАДИЦИЯХ“.

Он увидел ее случайно на одном собрании ячейки. Она ему понравилась. В то время, как докладчик распинался по вопросу о половой морали, он неустойчиво смотрел в ее глаза пристальным взором, точно хотел загнипотизировать. А когда докладчик кончил „бубнить“, и собрание приступило к „прению“, он быстро настроил что-то на бумажке, вынутой из туго набитого портфеля—и через близ сидящих передал ей. Она получила записку, прочитала ее, и, смутившись, улыбнулась.

В записке той значилось, что он, ответственный работник, недавно переименовавший свое имя Василий на Ким, „желает очень с ней поближе познакомиться и предлагает сейчас выйти в коридор“.

Ей, недавно приехавшей из провинции, понравился такой быстрый натиск. Она подумала:— Вот что значит настоящий комсомолец, не чета нашим,— и вышла в коридор. Ким быстро подошел к ней, по физкультурному, хоть сам он и был на вид не особенно взрачен, крепко пожал ей руку и предложил:

— Пойдемте на улицу, на Тверской бульвар. Надоело слушать белиберду о половых отношениях. Практика лучше разговоров. А каков, между прочим, ваш взгляд по этому вопросу?

Ей опять понравилась такая бесцеремонность и такой смелый натиск. Она ответила, что пока еще не думала над этим вопросом, так как ей всего семнадцать лет, и она больше занята учебой.

На бульваре, куда они быстро дошли, народу было немного. Выбрали местечко и уселись.

— Вы, Маруся, кажетесь женщиной передовой, настоящей. Мне кажется, что вы смотрите на вещи по-коммунистически. Скажите мне, пожалуйста: вот вы мне нравитесь, ей богу, нравитесь, знаете, в вас есть что-то такое, наше, мужское, комсомольское,— а я... я нравлюсь вам?

— То есть как?— не поняв сразу, спросила Маруся.

— Ну, как, ну, вот просто так, ну, как мужчина, который, ну понимаете?.. которому восемнадцать лет, который полон молодости, силы, страсти, чувств...

Маруся этот натиск уж не совсем понравился. Он был стремительней, чем все предыдущие.

— И что вы это, право, как говорите! Я же не знаю вас совсем, как же вы мне можете нравиться или не нравиться?

— Какая же вы, однако, еще мешанка, провинциалка. Да разве же надо обязательно знать, что я за человек? Важно что? Понравиться с первого взгляда, понравиться, как мужчина, и все тут. И что это вы, как предрассудками обывательскими начинены! Видно, еще не знаете наших старых комсомольских традиций. Да вы с какого года в комсомоле?

— С 1924 года.

— А, ну, тогда понятно ваше незнание таких простых истин. Ладно, я вас быстро научу!

* * *

Знакомство завязалось.

Однажды она пришла к нему и... уступила его превосходству в знании комсомольских старых традиций. Кроме того, она боялась упреков в том, что она мешанка, и что ее идеология пропитана буржуазным интеллигентским духом.

Она стала настоящей, по убеждению Кима, старой, испытанной комсомолкой, свободно смотрящей на половые отношения.

* * *

С тех пор, как Маруся была у Кима ночью в его комнате первый раз, прошло два месяца. Позавчера она ему сказала, что у нее должен быть ребенок. Он усмехнулся и сказал:

— Хоть я друг детей и имею маленькую, красненькую, членскую книжку этого добровольного общества, но в данном случае ты должна поступать согласно нашим старым традициям. Иди в больницу и освободись, пока не поздно. Впрочем, если ты можешь содержать ребенка, то дело твое, поступай так, как найдешь нужным сама.

А сегодня, после мучительно-беспокойной ночи, проведенной без сна, она, с заплаканными глазами, пошла бродить по Москве. Пришла на Тверской бульвар и пошла к той лавочке, где впервые сидела с Кимом.

Когда она подходила, опустив голову, измученная, усталая, до нее долетели слова так знакомого ей голоса:

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ.

Есть местечко потайное:
В чемодане—дно двойное.
Раньше прятал стенограммы,
А теперь—белье для дамы.
Мой миленок—атташе,
Подарил вчера кашне.
Говорил: „Для вас, Наташа,
Мне не жаль и трикотажа.“

Операции несложны.
Спрячу—в жизни не найдут.
В Польше можно без таможни,
Вне Внeshторга можно тут.
Мы у пана, возле Мюра
Два купили гарнитура,
Завернуть просила Лиза—
Оторвал кусочек визы.

Мне посольский секретарь
Говорил с апломбом:
„Это лодзинский товар,
Да еще и с пломбою“.
Пану строила я глазки,
Уступил мне пан подвязки,
Звал на вечер в кабинет,
„Подарю“,—сказал,—„корсет“.

Пан, сложивши губки бантом,
Помогает, молодец,
Раньше контре, после банде,
Контрабанде, наконец!

Ян Гусь.

— Дорогой товарищ Нина, вы же провинциалка, мешанка, вы не знаете старых комсомольских традиций. Впрочем, вы с какого года в комсомоле?

И в ответ донесся звонкий, немного смущенный, голос этой Нины:
— С 1924 года.

— А, ну, тогда понятна ваша отсталость в области половых отношений. Но это ничего, я вас быстро научу,— с достоинством произнес Ким. Маруся плакала.

Михаил Бандин.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРОКОДИЛА.

По Владимирской губернии
Нынче ездил Крокодил
И не мало там народа
Посадил на кончик вил.

В Вязниках навел он глянec,
Был безжалостно сердит,
Исколот почетных пьяниц
В ресторане „Инвалид“.

На „Парижскую Коммуну“
Он пришел без лишнего слов,
И на вилы был насунут
Сам директор Комаров.

Комаров во всю хлопочет,
Занимается трудом—
Чтоб улучшить жизнь рабочим,
Он... себе построил дом.

В „Пролетарии Свободном“
С нарпитанием хужей.
Есть столовка для народа,
Нет ни вилок, ни ножей.

„Красно-Знаменцы“ с укором
Мясникову смотрят в рот.
Страсть не любить он рабкоров,
Беспокойный-де народ!

На работе невеселой
Грустно цокают станки.
Ткацкий мастер Новоселов
Засевает... матюки.

Подмастерья Жирякова
Надо в клетке бы держать.
Как увидит парень юбку,
Аж коленочки дрожат.

В городском театре было
В заключение торжество:
Вечер смычки Крокодила
И читателей его.

И в театр, без всякой меры,
Ради смычки пёр народ.
Тшетно милиционеры
Ограждали узкий вход.

Лезли массоу ударной,
Самый смиренный—зверем был.
И пришлось кишкой пожарной
Охлаждать народный пыл.

Ну-с, о Ярцеве скажу я.
Там порядок нынче нов:
В церкви свечками торгует
Помдиректор Иванов.

И механик их, Булгаков,
Не прилеплен у машин—
В церкви он по чину дьякон,
Для спасения души.

А главбух, Васильев тоже
От своих не отсгает:
Пом'у в тон—услыши, боже!—
Он акафисты поет.

Архип.

НА ПРОЦЕССЕ ЛАНЦУЦКОГО.

— Надолго они закрывают двери?

— Пока у нас не откроются глаза!..

ПЛАКАЛИ ПРОФСОЮЗНЫЕ ДЕНЕЖКИ.

Теперь идут дискуссии о том, чтобы удешевить аппараты профсоюза, приблизить их к массам и т. д. Пермский райком металлистов, вместо разговоров, сразу приступил к установлению этой связи с массами. Взяли работники профсоюза, да и понаделали блокнотиков, да не простых, а титулованных. Титулованные блокноты имеют: председатель, оргсекретарь, тарифный секретарь, завкультчастью, казначей и управделами. Но раз завели их в райком, почему бы не завести и в завкомы. Завкомцы, не будь дураками, тоже понаделали себе титулованных блокнотов. Ну, как же не связь с массами! Самая что ни на есть настоящая связь. Теперь по блокнотному листку все массы будут знать профработников. А с сегодняшнего дня и вся Россия-матушка помянет их добрым словом.

Эх, и профработники же.

ВИАРЫ В БОК

ПАСХАЛЬНОЕ.

Жил-был на Красногвардейском руднике (Сталинского округа, Донецкой губ.) учитель Павленко. Он недавно вступил в партию. Плохо ли, хорошо ли жил—неизвестно, только, видно, захотелось ему пасху встретить. До пасхи хоть и далеко еще, но надо же заранее к ней подготовиться. Одному встречать неинтересно. Надо компанией. И вот настроичил этот милый учитель такое письмо:

Здравствуй, Петя. В порядке товарищеской дисциплины приказываю тебе срочно подготовиться к Пасхе. Неисполнение сего повлечет за собой строжайшую ответственность вплоть до накачивания вином (до состояния риги).

С комприветом Павленко.

Он хоть и с „комприветом“, а быть ему надо бы не в партии, а в настоящей белой Риге—там пусть накачивают себя и других до указанного положения „товарищеской дисциплины“.

„ВОЗДУХПРЕДСЕДАТЕЛЬ“.

В Б. Токмаке (Екатер. губ.) состоялся райс/езд В воздухоплота. Собрались честь-честью, избрали президиум, утвердили повестку дня, но когда дошел черед до доклада председателя бюро ОДЗФ, то оказалось, что он:

...*забылся подготовиться*, и вышел со следующими словами: „Работу старого бюро я не знаю, так как я недавно вступил в обязанности преда, а вот моя секретарша кой-что скажет, какие будут вопросы, я отвечу“... И секретарша то же самое повторила. Открылись прения, но ни к чему не привели“...

Познато. О чем же тут „преть“? Разве только о том, что, дескать, стоит ли такого забывчивого мужчину держать долее в предах?..

ГДЕ ТРЕЩАТ СКУЛЫ.

Скулы трещат, оказывается, в Арзамасе:

У нас в арзамаском детском городке есть одна воспитательница с необыкновенно крепкой рукой. У ребятшек скулы трещат от ее руки...

„Крокодил“ не против того, чтобы у ребятшек скулы трещали. Пусть трещат... Но только от хорошей еды, а не от затрещин. Кстати—сообщаем воспитательнице с крепкой рукой, что на мясохлядобойне большой спрос на специалистов.

ЗА ШИВОРОТ!

Член завкома Новлянского крахмально-паточного завода „Красный Октябрь“ (Владим. губ.) Ф. И. Калин очень плохо обращается с рабочими. На днях рабочие пришли в завком за газетами и, вместо газет, получили отборную ругань из уст Калина, с добавлением возгласа: „Катись вон отсюда“.

Не довольствуясь этим, он, стоя у двери, каждого входящего рабочего хватает за шиворот и выбрасывает из комнаты.

Шиворот вещь хорошая. И, главное, у каждого человека он есть. Не исключая и ретивых членов завкомов.

КУМ НА КУМЕ СИДИТ.

На Петровском руднике, в Донбассе, состоялась кустовая горняцкая конференция, на которой был поднят вопрос о штатах рабкооператива. Дело в том, что председатель рабкоопа—очень хороший парень, но к родственникам, по части служебного устройства, не равнодушен. Заведующий мясной—его кум, зав. пекарней—тоже кум, пом. бухгалтера—кум, зав. мануфакт. лавкой—своик, зав. магаз. № 6—родной брат.

Братцы вы мои, да ведь это прямо, как в сказке: Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку, Жучка за внучку, „Крокодил“ за... предрабкоопа... хватить... Пожалуй, и выдернет репку.

ЗАСТАВЬ ДУРАКА...

Волна хозрасчета докатилась, наконец, и до Весьегонска. Конечно, это надо приветствовать, надо поправлять расстроенные городские финансы, и т. д.—но надо же знать и меру!

Открытый в Весьегонске Дом Крестьянина привлек массу крестьянства: крестьяне обязательно заезжали туда и чувствовали там себя, как дома. Они могли поставить лошадей, выпить чаю, почитать газеты, получить справки... и вот, с марта месяца, почему-то Дом Крестьянина закрыли и на его месте открыли ресторан с крепкими напитками. Взамен уюта и культуры видят крестьяне на этом месте разливное море алкоголя и пьяную публику...

„Разливное море“ и пьяная публика—это, положим, тоже „культура“. Не советская, конечно, а буржуазная, но откуда-ж и взяться в Весьегонске советской культуре? „Не токма что культуры, а и Совета-то нетути“. Такой уж город.

ПРИСТРАИВАЕТ.

Председательствует в Ленинском Вил'е, Семипалатинского уезда, некий гражданин. Имеет этот гражданин свояченицу, а свояченица—подругу. Надо же помочь своей родственнице. И вот этот предзик пишет бумажку с приложением штампа, печати и с собственноручной подписью:

Заведующему сельско-хоз. фермой.

Согласно наших с вами переговоров, препровождаю в ваше распоряжение двух барышень: Свяченицу, Марию Макаренко, и ее подругу, Екатерину Мараеву, которых прошу устроить на работу.

К вам с почтением Предзик.

Волком-то носит название „Ленинский“, а предзик дела делает не по-ленински.

ЗУБЫ В ХОД ПОШЛИ.

Много бывает различных случаев в заводской жизни, но такого, который произошел в Донбассе в шахте № 5, вряд ли можно где-нибудь еще отыскать. Недавно появился такой официальный документ:

Отсутствие щипцов для обжимания пистонов вызвало необходимость обжимать пистоны зубами и повлекло за собой несчастный случай с запальщиком шахты № 5, Горловского рудника.

Эх, обжать бы этими зубами не пистоны, а помягше кого-нибудь!

Рис. Н. Д.

ЗАПАРИЛСЯ.

— Что же вы не дышите? Дышите глубже!

„УПОЛНОМОЧЕННЫЕ“.

Братья Горшуновские и А. Кримин, выдавая себя за уполномоченных конторы несуществующего журнала „Комсомольская Метла“, по подложным документам, получили в правлении Машинотреста (Никольская, 9) 320 рублей за объявления. Аферистов арестовали.

Хороши жулики. Но и трестовики тоже „деловые“. Нашли, куда объявления сдавать: „Комсомольская Метла“. Нашли заказчиков на машины. Жаль, что нет настоящей метлы для трестов.

О БАРИНЕ, ПАРИЖЕ И РАГУ.

Директора - распорядителя Новлянского крахм.-паточн. завода „Красный Октябрь“ (Владим. губ.), И. П. Долецкого, рабочие прозвали баринном. С чего бы это? В 2 часа ночи заставляет рабочих ему баню топить. Разговаривает с рабочими на ты. Слово „дурак“ при разговорах с рабочими у него с языка не сходит.

Мы не понимаем, зачем барину Долецкому возиться с какими-то грязными рабочими. Ему нужно ехать в Париж, отдохнуть от всех этих завкомов, РКК и советских порядков.

Там его ждут с распростертыми объятиями в любом шикарном ресторане... Будет ходить с салфеткой и рагу посетителям подавать.

О РАЗНЫХ ТОЧКАХ ЗРЕНИЯ.

Возьмем две точки зрения на вещи: одну московскую, а другую вышеволоцкую (Тверской губ.). С московской точки зрения изба имеет по крайней мере четыре стены, пол, потолок, а с точки зрения вышеволоцкого селькора, изба вот такая бывает:

Изба-читальня в Марьине помещается в школе, между шкафом и печкой.

Затем дальше. С точки зрения москвича особое внимание, уделяемое Наркомпросом театру и балету, есть явление, вошедшее в норму, а селькор смотрит на это иначе:

Есть в Марьине клуб под названием имени Луначарского. Но вместо клуба на самом деле есть только театр, где ставят спектакли, да танцуют, вот и все. Бедный тов. Луначарский!..

Вот какие разные бывают точки зрения на вещи...

В районных амбулаториях врачебный персонал перегружен работой.

— Алло, центральная? Нас раз'единили...

Крестьянам села Грабовка, Носовической вол., Гомельского уезда, пришла повестка на налог. В виду того, что грабовцы пострадали от градобития и засухи (уничтожено 50% посевов), они снарядили выбранного на сходе ходока для хлопот о снижении налога.

Предвика Мельников приказал арестовать ходока, как „людо, срывающее продналоговую кампанию“. Ходоку удалось все-таки в результате, добраться до Гомеля, и налог был снижен.

То, что губернская власть налог снизила, это хорошо, а вот что водятся еще такие командиры, вроде Мельникова,—это никуда не годится!

Не мешало бы и его тоже „снизить“, хоть процентов на 50...

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ.

Ячейкой РКП (б) при Окр. больнице (Сарапуль, Уральск. обл.) издается стенная газета „Зонд“. Так вот этот самый „Зонд“ проколол местную зубоврачиху Ильину, которая вырвала у мальчика Щерина зуб вместе с десной, так что целый день кровь унять не могли. Другой врач, немец, сломал зонд в теле больного. Местный Окрздрав требует, чтобы не помещали в газете подобных фактов, „не посоветовавшись с администрацией“.

Когда доктора перестанут больных увечить, „не посоветовавшись с администрацией“, тогда, конечно, „Зонд“ и заметки помещать перестанет.

О СОБАКАХ НА СЕНЕ.

№ 1.

В Одоеве типография закрылась, машины стоят в неотапленном помещении и ржавеют, а валики крысы едят. Хотели было взять машины в Белевскую типографию, да РКИ не дает: „Моя собственность!“

НЕОКОНЧЕННОЕ ДЕЛО.

Рис. Ю. Купреянова.

В Минске демонстрация чуть-чуть не проломила камнем голову польскому консулу. Представитель Наркоминдела выразил сожаление.

— Ах, чорт возьми, действительно жалко...

В Ярославле — нехватка геодезических (землемерных) аппаратов, а на складах Губсовнархоза лежат без толку 12 ящиков таких инструментов. Необходимо их срочно передать земельным органам, для ускорения работы по землеустройству.

РЕКОРД БЫСТРОТЫ.

9 марта 1925 года г-ка Бойкова получила такое отношение:

Хабаровскому ВИР'у, Славгородского уезда, Омской губ.

Гарсуд просит объявить под расписку на сем же г-е Бойковой, что она вызывается судом в село Шламку на 26 сентября 1924 года.

Написана эта бумажка была 29 июля 1924 года, послана на почту 30 декабря 1924 года, в Хабары она п. пала 7 января 1925 года и лежала на почте до марта 1925 года.

Шля эта милая бумажка ровно 223 денька и п. ченьки.

Эх, и быстрота же!

ВЫБРАНА.

Жила была Хабарова, Валентина Ивановна, проживала она на Сорокинских лесопильных заводах 39 лет. Работала в качестве пислуки у различных госп. Потом стала безработной. Захотела перелететь родному чеповечку, чтоб не умерла с голоду и:

С 1917 года Хабарова была выбрана общим собранием рабочих и служащих для исполнения обязанности акушерки при заводах, каковую должность она исполняла до 1921 года.

Слышал „Крокодил“ про всякие выборы, но чтоб акушерку выбирать,—не слышивал.

Но почему же, почему не выбрали ее на должность доктора или профессора? А еще говорят, что в России специалистов нет, разве должно сделать их—выбрав и готово.

О ЛЮБИТЕЛЯХ ЧЕРВОНЦЕВ и ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ.

„Высоко над ширью волжского простора по „Дятловым горам“ величаво раскинулся Нижний-Новгород. Много ратных бурь, лихолетий злых видел он, богатырь-город, на веку своем, да не мало и красных дней ему доставалось...“

„...Огнем-польем горит и сверкает на золотых главах и крестах старинных церквей и монастырей, расплавленным серебром-золотом переливается на легкой речной зыби...“

„...Красивы те величавые горы, башни, колокольни, соборы, бесчисленные, приходские храмы, монастыри...“

Это не более и не менее, как корректура попавшей в лапы „Крокодила“ веселой книжицы: „Нижний-Новгород и его ярмарка в их прошлом и настоящем“. Б. И. Дунаев. (Издание Нижегородского ярмарочного комитета).

вот какие чудеса иногда бываю! Председатель ярмарочного комитета—Сергей Васильевич Малышев в роли почитателя старинных нижегородских церквей!!!

Но мы спешим успокоить читателей. Как только Сергей Васильевич надел на нос свои знаменитые очки и взглянул на эту книжицу, то немедленно плюнул и приказал корректору выбросить, а виновных в принятии этой галиматии как следует взречь.

Этим дело однако не кончается. Б. И. Дунаев, автор „книжки“, вознегодовал и подал в Нарсуд иск к Нижегородскому ярмарочному комитету с требованием уплаты гонорара. Нарсуд постановил дело слушанием отложить и, вызвав эксперта, предложить ему дать свое заключение. Вниманию этого грядущего эксперта мы рекомендуем следующие перлы Дунаевского сочинительства:

Вы хотите знать, почему казанские татары, осаждавшие три дня Нижний, вдруг п. д. нялись и скрылись. А вот почему:

„Когда жители Нижнего заперлись в Кремле, одна храбрая девушка, не побоявшись татар, пошла за водой. Татары бросились на нее, но девица не оробела, а, схватив свое двухпудовое коромысло, начала избивать им злых татар и побила их силу немалую“...

Насчет ярмарки в этой книжице, занимающей 48 страниц печатного текста, и напечатанной на двух языках (русском и французском), тоже, имеется кое-что: четыре странички текста. В конце книги приложенных исполненные дорогого стоящим способом, фотографии всех нижегородских церквей и храмов, а также различных видов кремлевских стен и башен.

В заключение Б. И. Дунаев сообщает, что

„...иностранец-зодчий, строивший Рождественский храм, едва не был ослеплен по приказу Строганова, но вырвался из рук его людей, бросился на колокольню построенной им церкви и, обернувшись вороном, улетел неизвестно куда“...

Куда улетел ворон, нам тоже неизвестно, а вот куда улетели денежки Нижегородского Ярмаркома, это мы отлично знаем.

Расписка.

Я, нижеподписавшийся, гр-н Сылвинского Сельсовета, Кунгурского района и округа, Шишмаков, Петр Аверьянович, даю сию расписку председателю КОВ — Шишмакову, Петру Аверьяновичу, в том, что я получил от него в ссуду 15 (пятнадцать) рублей. В чем и подписуюсь.

Шишмаков, Петр Аверьянович.
25 марта 1925 г.

Вот это здорово сработано. Если Шишмаков Петр Аверьянович часто будет выдавать ссуды сам себе, то ему скоро придется такую резолюцию соорудить:

Председателя КОВ — Шишмакова, за злоупотребления сместить.

Председатель КОВ — Шишмаков“.

Все-таки не так обидно. А то ведь кто-нибудь другой такую резолюцию написать может.

Илабр.

Это не выдумка—в самом деле,
 Был такой фант на пасхальной неделе.
 Пионер, из звена „Крокодилий зуб“.
 Зашел по делам в комсомольский клуб,
 Зашел—не зашел, а ворвался пулей—
 Привык ведь летать в пионерский улей,—
 Под барабан нельзя не летать...
 Впрочем, будем рассказ продолжать.
 Влетел он. Ребята ему сказали,
 Что нужный ему комсомолец в зале.
 Зал погружен в вечернюю мглу,
 Вошел пионер и видит, в углу,
 Прикрывшись каким-то „Экраном“ старым,
 Молча сидят комсомольские пары.
 В зале темно. Кружок—не кружок?
 Слов не слышно, лишь чмок да чмок.
 Вошел наш герой мышенка тише,
 Постоял, постоял и молча вышел.
 Отвел дежурного в уголок.
 И был необычайно важен и строг,
 Голос звонкий, как колокольцы:
 — Зачем христосуются комсомольцы?
 Скажите им, что я, пионер,
 Вижу в этом дурной пример.

По моему он совсем не глуп,—
 Пионер из звена „Крокодилий зуб“.

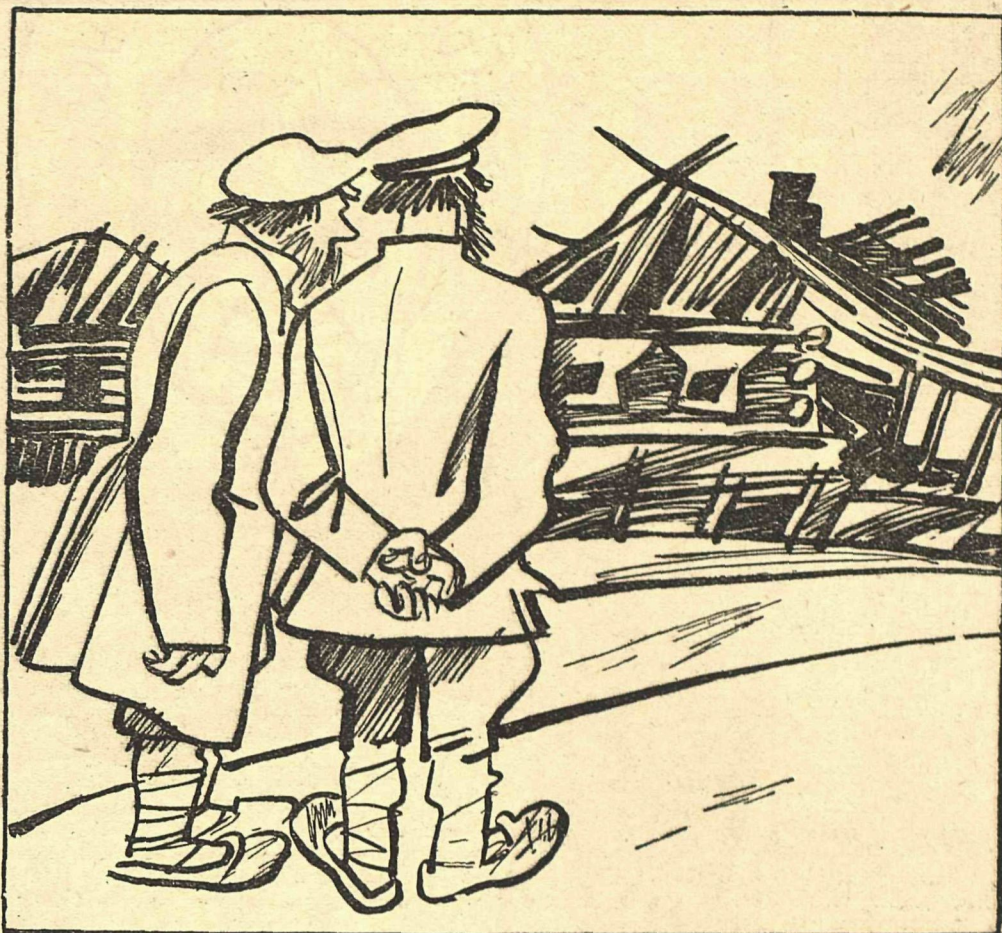
В. Лебедев.

ФИЗКУЛЬТУРА.

„Журнал Крестьянской Молодежи“ рекомендует крестьянским ребятишкам, в № 3, следующую веселую и занимательную игру:

Вытираете лужи. На полу наливается небольшая лужа воды. Один из участников вооружается двумя спичками и садится так, чтобы лужа была у него между ног. Второй, с полотенцем в руках, заявляет ему, что вытерет лужу раньше, чем тот успеет его задеть спичкой по руке. Первый спорит и зорко охраняет лужу. Тогда второй хватает его за ногу и поворачивает лужу, вытирая ее сидящим.

Игра эта „Крокодилу“ понравилась. Он схватил редактора „Журнала Крестьянской Молодежи“ за ногу и провез по вышеприведенной луже.

— Неужели такой большой страховой взнос причитается за такую развалюшку?
 — Ничего не поделаешь. У Госстраха глаза велички.

БЕЗБОЖНИК.

Илья Павлович Бессонов крупен, внушителен и представитель. Титул управдел треста в применении к нему казался чем-то чрезвычайно маленьким и, одновременно, невлезавшим громадным. Словом,—солиден, как фирма, существующая с 1856 года.

На советской платформе стоял двумя ногами в калошах, для плотности, и уверял, что беспартийное состояние поддерживает лишь потому, что по некоторым вопросам он левее Коминтерна.

— Все-таки у наших коминтернистов чувствуется какая-то постепенщина. Чичерина бьются как-то. Я бы давно устроил революцию в Германии и... в Англии, например. А они церемонятся. Я уж говорил...

Это „говорил“ звучало сочно, как сигнал авиобуса; слушателям рисовался Илья Павлович на трибуне конгресса Коминтерна, округлым жестом ниспровергающий буржуазия запада к свиным чертам.

Предрассудков не терпел. Особенно—мелкобуржуазных и еще особеннее—у машинисток и стенографисток вверного ему управления делами. Вошедший как-то без доклада, делопроизводитель застал в кабинете Ильи Павловича машинистку Тиночку с взъерошенной прической, красную, со слезами на глазах, и слышал сочную, заключительную, видимо, фразу Ильи Павловича:

— Мелкобуржуазный предрассудок в вас говорит, товарищ! Пора бы изжить!

Из чего заключил, что бедной Тиночке от начальства попало.

Религиозные предрассудки также не имели более сурового врага, чем Илья Павлович.

— Пиздники! Бессмыслица! Особенно еврейские. Кучки там какие-то, или Йомкипер. И слова глупые говорят. Ну, скажите, пожалуйста, что это значит: „алхейт шехстону лфнехо“? Ерунда! Стидно в наш век диктатуры пролетариата и трудового крестьянства! Или еврейская пасха, этот сейдер,— что может быть глупее? Куриное горлышко положить, яйцо в соленую воду сунуть и пожалуйте... „Сой ем при агофен“. И Илью ждут. Ну, кто в 1925 г. верит, что Илья пророк может прийти на сейдер? Косность и отсталость!

К концу страстной недели Илья Павлович заметно осунулся и даже похудел.

— Заработались, Илья Павлович?— сочувственно спросил секретарь.

— Как вам сказать? Здесь не работа играет роль, а эта, знаете, страстная неделя. Пост, знаете...

На изумленный взгляд секретаря Ильи Павлович объяснил:

— Вы, конечно не думаете, что я пошусь по убеждению, так сказать! Тут, батенька, бытвой момент. Ведь и жена, и прислуга, то-есть домашняя работница—к празднику готовятся, заняты. Уборка там идет, готовка всякая. Ну, текущие дела и откладываются. Не готовишь же им для меня разносолы? Впрочем, я очень люблю постный стол, вегетарианский, так сказать. Конечно, долго нельзя, надоест. А недельку—с удовольствием. Редька с квасом, горох тертый с постным маслом. Очень питательно. И витамины, и прочие белки,—больше чем в яйцах. А кроме того...

У Ильи Павловича глазки замаслились:

— После поста—разговеться!.. Вы скажете—все равно, крашеное яйцо или белое... или там окорок,—с кружевом на косточке или так... Но... Придете вы от заутрени... Конечно, я в разный опиум не верю... Не верю я, что „богоотец убо Давид пред сенным ковчегом скакаше, играя, людие же,

божии святини, образов бытие зряше“, или „утреннем утреннюю глубоко“ или „безмерное твое благоутробие, адовыми узами содержимии, зряше“, или „спразннем любопразднственными чинми“—в это я не верю.

— Здорово вы, однако, все эти штучки знаете!—умилялся секретарь.

— Привычка!—скромно признался Илья Павлович и продолжал: и вот, когда вы после заутрени... встали, кроме моих расхождений с партией во вопросам Коминтерна, я совершенно не согласен с ней и относительно Кремля: звон Ивана Великого под пасху имеет, знаете, глубокое значение. Без него как-то и пасха не в пасху! Да. Приходите вы от заутрени,—а вома все сверкает чистотой, Селизной этакой пасхальной. Я про ив ониума, но раз в год пережить это ощущение чистоты—приятно! Крашеные яички, окорочек, барашек из масла, кусок сала малороссийского, т. е. из УССР... А рядом—кулич и пасха! Конечно, некоторые возражают, что, дескать, все равно в какой форме хлеб испечен и творог сделан, но... я безбожник и чужа снума,—но раз в год—хоч тся по-человечески!!

Слова у Ильи Павловича свисла через гусу и катилась безмятежно на толстовку. Он ее подтянул судорожным движением и сочно продолжал:

— Вы не подумайте, что я что-нибудь начел ониума. Избави бог! Но когда жена говорит—„христос воскрес“,—вы же не станете отвечать грубостью? Едь у вас не лек Домостроя, женщины равноправны! И если для нее все это свято, то вы не имеее никакого нравственного права попираить! Ей хочется иконы вешать,—не мешает же она вам Карла Маркса к стенке пристроить?—и сть вешает! И вообще...

Илья Павлович блаженно замолчал. Потом спохватился.

— Хорошо, что вы мне напомнили! Жена обязательно просила сегодня пораньше прийти,—надо куличи месить. А то, прошлый год, директор наш как задавался: „хоть я, говорит, и коммунист, а куличи у меня лучше ваш х,—не поленился сам месить“. На месяц с женой неприятностей было. А в нынешнем году—посмотрим, чья возьмет?! Он нынче и в правление не ездил,—все месит! Ну, а у нас тесто только к двум подойдет.

Илья Павлович посмотрел на часы и спохватился.

— Заболтался я с вами, дорогой, тесто-то, небось, поднялось уже! До свиданья.

Вл. Павлов.

ПОЛИТЧАСТУШКИ.

Нет Керзона? Ну, так что-ж...
 Лорды слез по нем не роняют,
 Без Керзона, сколько хошь,
 Чемберлены покерзонят.

Ты керзонь себе, керзонь,—
 Спотыкнешься, борзый конь!

Ох, с опаской выбирай
 В Германии правительство,
 А не то с собранья в рай
 Всех пошлют на жительство.

Пули полицейские,
 Социал-лакейские.

Курды лупят турок всласть.
 Турки лупят курдов тоже...
 А в руках у курдов снасть
 На английскую похожа...

Все пока до случая.
 Нефть—она горячая!

В Польше судят коммуниста,—
 Двери закрываются;
 Значит, дело тут не чисто,
 Коль паны стесняются.

Знать, опасность велика,
 Знать, боятся сквозняка!

Н. А. Карпов.

„Истинно, говорю вам. Не мешайте детям приходиться ко мне. (Еванг. от Усаса, гл. 12, ст. 10)“

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ.

Есть просто советские работники, есть ответственные работники и есть еще весьма ответственные работники. А вот в Тулунском уезде, Иркутской губернии, секретарь Н-Илимского райкома считает себя уж ни с кем несравнимым, слишком и даже чересчур ответственным работником. И вот какое письмо в родную деревнюшку Чеботариху строчит сей отврат Муханин:

„Добрый день милой брат и нивеска и момаша и попаща шлю Вам совместно всем привет совместно семей.

Живы и здоровы. Работой загружен занимаю должностей секретарь Райкома, Предместкома рапрса, Предправления союза охотников член президиума Райкресткома, член Укома, член Убюро Мопра и уже сума сошел.

Затем милон родители прошу покрыть амбар если только нукупили дом стримится расширить свое хозяйство. Деньги я не получал жалования сам уже должен 15 руб. в кооперацию.

„Сильно чижило если только непопаду подсуд сильно ответственная работа всем районом управлять около 700 верст растянут.

Извините что худо написал потому что рука уже устала. Безпиристано пишиш и пишеш то цер-

куляры то распоряжении, то подписываешь бумаги одну фамилию свою даешь (т.е. не читая) и так свою подпись завернул, что и для разберешь где начало и где конец.

Где уж там Муханину-управителю за семью сотнями районных верст угнаться—хватило бы времени на повседневную роспись своего факсимиле. И конечно—слов нет—факсимиле „самейшего“ Муханина—важнейший „вклад“ в историю современности, но история—дело не спешное, а пока что не мешало бы местной контрольной комиссии поближе познакомиться с „факсимилистом“ Муханиным.

Л. Митницкий.